

Луч утренний сменяет луч закатный...

Наталья АБАШИНА

* * *

Стремительно вращается земля,
Луч утренний сменяет луч закатный.
Что луч, коль капля летнего дождя
Проснётся новым снегом. Бег обратный
Не предусмотрен. Намертво упрись
Ногами и руками в твердь земную —
Не совладать, сдавайся и молись:
«Дай Бог! Крути-верти её, родную...»
Встречай рассветы молодых надежд.
Пой колыбельные рождённым

звездам.

Не слушай умноглупостей невежд.
Живи, твори сейчас — ещё не поздно!
Выплёскивай все чувства на холсты,
Смелее смешивай в палитре краски.
Подумай лучше: кто, если не ты?
Не сомневайся, действуй без опаски!
Стирай в озёрах платья облакам,
Деревьям ситцевые шей наряды.
Всё сбудется, когда поверишь сам
В себя. И вдохновенье станет рядом.

Сергей ГАВРИЛОВ

Февраль. Углегорск...

Февраль, забывший о святых.
Подвальный угол. Стужа.
А наверху, разя живых,
Осколки подло кружат.
Прижалась внучка к старику,
Трясёт от взрывов тельце.
В свечном, чуть видимом кругу,
Сжимаясь, бьётся сердце.
Но вот — надежда: тишина.
И где-то крик раздался:
«Возможность выехать дана!
До боя час остался!»
— «Ты слышал, дедушка, родной?
Бомбить нас перестало...»
«Иди вперёд, я — за тобой», —
В потёмках прозвучало.
Подняться б старому — нет сил.
Целует детке ручки.
У Бога в мыслях попросил
Спасения для внучки.
«Наш Углегорск — своя земля,
До площади вокзальной
Ты доберись. Потом меня...» —
И бросил взгляд прощальный.

...Ушла. Один. Бетон стены —
Холодный вестник смерти.

Вдруг вспомнил мать
и дни войны,
Спускались в погреб дети...
Вновь взрыв. Подвальная стена
Натужно накренилась.
И вдруг: «Я не пошла одна...»
...Сильнее тьма сгустилась.

Виктория МУРАВЬЁВА

* * *

Полотенца пахнут ветром,
Солнцем и морозным днём.
Иней с яблоневых веток —
Звёздной крошкой под окном.
В доме ласковая печка,
Жмётся рыжий пёс к крылечку,
Вымерзают, сохнут в сенцах
На верёвках полотенца.
На подворье снег и стужа,
По дорожкам ветер кружит...
Скоро кончится зима,
Постучит в калитку март.

Владимир РОГАЛЁВ

* * *

В память о И.А. Блохине

Поэт, прозаик и учёный,
Наград и званий всех не счесть,
Просто жизнью закалённый,
Достоин нёс свой крест и честь.
Горело всё, за что он брался,
Достиг высот больших в делах,
Но не стоял, всегда старался
Конца достичь в своих трудах.
В беседах ровно, аргументом
Склонял к своей он правоте,
Мог помолчать и ждать момента
Раскрыть идею в красоте.
Стихи его, как зрелый колос,
Питают чувствами людей,
И долго будет тихий голос
Его звучать в сердцах друзей.

Покаяние

Прошу прощенья у людей
И у тебя прошу, Создатель:
«Прости мне всё в судьбе моей,
Я не убийца, не предатель».
Прошу: «Прости, родная мать!
Доставил в детстве слёз немало».
«Отец, прости! — боюсь сказать, —
За что погиб, того не стало».
Прошу прощенья у жены:

Не смог насытить жизнь полнее,
И у детей за часть вины:
Не вывел в люди красивее.
Простить прошу друзей, родных
За неглубокое вниманье,
Молю у мёртвых и живых
Принять, пусть поздно, покаянье.
Раскаянье снимает грех;
Простится ль всё мне, я не знаю.
Сам сердцем я прощаю всех,
Себя себе лишь не прощаю.

Татьяна РОТАНОВА (ВИРЯВА)

*Памяти деда, Пантелея Ивановича
Ротанова, участника Первой
мировой войны*

...Дед умирал. Очнувшись перед
смертью,
Прощался, руки детям пожимая.
Звала, курлыча, в поднебесье стая.
Клин журавлиный путь последний
метил.
Солдат войны, былём от нас сокрытой:
О Первой мировой мы не читали,
О ней молчать, увы, предпочитали.
Героев имена давно забыты.
Был слеп мой дед, отнюдь

не многословен,
Он не был кавалером и героем.
Оторванный от плуга рекрут-воин,
Возможно, воевал за Луцк иль Ковель...
Дед был в плену. На ферме австрияка
Не бил баклуши, шла работа споро —
Он докой был в делах любых, и скоро
Хозяином замечен был трудяга.
Вот пробил час из плена возвращаться.
Пленённый стал в Отчизну

собирается:
— К жене и сыну, да увидеть братца!
А фермер предложил ему остаться:
— Что на Руси? — мол,

время беспокойно,
Где революция, там нет достатка,
Поверь мне, в Австрии жить будем

сладко!
Россию нищета лишь ждёт да войны...
Русь не продал. Жену и сына помня,
В село родное дед решил вернуться.
Был фермер поражён отчизнолюбцу
И отпустил с почётом да поклоном,
На память дар вручив — машинку
«Zinger».

Дед сапоги шил — ноги отдохали,
Сапожник лучший сыщется едва ли

В селе эрзянском, деревеньке Лиге.
...Дед умирал. Очнувшись перед
смертью,
Прощался, руки детям пожимая.
Машинка «Zinger», маркою сверкая,
Как встарь, стреляла ровной строчкой
петель...

Тепло ладоней оставляя внукам,
На жизнь грядущую благословляя.
Дед умирал. Звала, курлыча, стая.
Крестом на грудь легли в мозолях руки.
Дед умирал,
Эпоха уходила...

Наталья ИВАНОВА

* * *

Ты моей души не тревожь,
Не дразни бубенцами чувств.
Я Вселенной нежную дрожь
Ощущать вот-вот научусь.
Я вот-вот приоткрою дверь,
Замерев взгляну за порог,
И реальность, хоть верь, хоть не верь,
Станет согней новых дорог.
Там откроется мир иной
И появится новый путь.
Страх оставлю я за спиной
И решусь наконец шагнуть!

* * *

Котёнок, рыжее солнышко,
Под дверью кричит от страха,
Пульсирует тонкое горлышко,
От ужаса ротик распахнут.
Он рано узнал предательство
И воли недоброй мощь,
Но верил, что обязательно
Найдётся кто сможет помочь.
И сердце удар пропускает,
Когда к незнакомым рукам
Доверчиво он прикасается,
Простив всю жестокость нам.

* * *

Обещаньями полон эфир —
Будет хлеб, будет дом, будет мир!
И надеждой на счастье полна
Заблудилась в них наша страна!
Слушать сказки приятно всегда —
Будет в реках живая вода,
Под Москвою алмазы найдут
И бюджет вдруг не весь украдут.
Но играя с судьбой в поддавки,
Будешь есть ты с чужой руки!
Лишь поверив себе самому,
Сможешь жить по душе и уму!

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Февраль 2015 года для королёвских литераторов начался трагически. Ушёл из жизни **Иван Александрович Блохин** (2.01.1937–3.02.2015) — учёный, профессор, поэт, публицист и просто человек удивительных, редких качеств. Его судьба вызывает огромное уважение. Он родился в Татарстане, в селе Бишеве. После сельской школы закончил техникум в Казани, работал механиком в Узбекистане, в армии служил в Приморье, окончил факультет журналистики МГУ, был корреспондентом газеты «Труд», многие годы преподавал в Российском университете кооперации. Его любили студенты и уважали коллеги за трудолюбие, чувство долга, требовательность к себе, деликатность, доброту и внимательное отношение к окружающим. Иван Александрович многое успел: разработал фундаментальное учебное пособие для студентов «Основы политологии», опубликовал около ста научных статей, защитил кандидатскую диссертацию. Блохин был одним из учёных, создававших в России научную дисциплину «экология». Глубокая эрудиция, способность объёмно и неординарно осмыслить исследуемую область, твёрдая позиция и умение донести мысль до собеседника или аудитории делали общение с ним настоящим удовольствием.

После него остались шесть книг стихов и книга публицистических очерков «На засечной черте» по истории и этнографии, в которых рассмотрены более тысячи лет от момента заселения русичами междуречья Волги и Камы. За эту книгу в 2013 году автору присуждена премия имени Дурылина в номинации «Открытые года». Оста-

лись друзья, коллеги, соратники в профессии и в писательском труде. Осталась семья... Потерю преувеличить тяжело, потому что Иван Александрович был удивительно светлым человеком.

Давайте просто прикоснёмся к поэзии, к строкам, которые он нам оставил. Они красноречивее любого рассказа об авторе. Откроем «Избранное». Светлая Вам память, Иван Александрович.

Иван БЛОХИН

* * *

Мы шли и шли куда-то за село.
Луна светила ласково и нежно.
И вдруг... дороги нет, кругом бело,
Кругом снега раскинулись безбрежно.

Ты, улыбаясь, крикнула: «Лови!»
И свой лукавый взгляд мне
подарила...
Мы вслух не говорили о любви —
Любовь сама заговорила.

На лугу

Вы на нас глядите с удивленьем,
Но такой у нас в селе народ,
Что в труде не терпит промедленья,
Если даже дел невпроворот.
Травы на лугах — душе отрада.
Вновь пришли горячие деньки.
Вышла дружно косарей бригада,
Уложила разноцвет в рядки.
Скошенное солнцем подсушило.
Сена аромат объял луга.
Спешно, в лад трудились грабли,
вилы,

Наметали мужики стога.
Молодёжь усталости не знает,
Вечером кружится хоровод.
Гармонист почти до зорьки занят —
Отдохнуть от песен не даёт.

Шинель

Шинель, в которой ты домой приехал,
Повесил в кладовой — не в гардероб.
Теперь и здесь она тебе — помеха,
На выброс приготовлена... Но стоп!
Оставь её и отмени решенье.
Шинель не просто вещь для нас
с тобой.

В ней за Россию деды шли
в сраженья,
Отцы рубеж держали боевой.
И сам пришёл со службы
при наградах.
Был в пекле, где в засадах ждуть враги.

Шинель свою ты приведи в порядок
И для детей на память сбереги!

* * *

Осенью, когда деревья в парках
Оголили ветви, сбросив лист,
Ветер мрачно, как старик,
зашаркал,
Тучей, словно бородой, навис.
Где-то там установил он прялку,
И пошло пылить... А на суку
Я увидел сторбленную галку,
На меня навлекшую тоску.
Сделала подскок, другой и крылья
Вздела вверх, но не пошла на взлёт,
Может, ранено крыло навыллет,
Может быть, пришёл её черёд...
Не хочу — и это подтвердится! —
На своём оставшемся веку
Походить на стынущую птицу,
Что наводит на людей тоску.

Внук

Отобрал я доски, из которых
Мастерю сейчас стеллаж для книг.
Звук ножовки, свежих стружек
шорох —

Вдохновенья моего родник.
Карандаш за ухом. Ставлю метки.
Рядом вьётся внук — помощник мой.
Он ногой отбрасывает ветки,
Морщит лоб, кивает головой.
Мальчуган смыслён и точно знает,
Что в проекте у меня, и всё ж
Спрашивает громко, чем я занят,
Держит брус и мне кричит: «Хорош!»
Я глаза в него вперяю зорко,
Сдерживаю чувств приливших шквал:
— Мастерю тебе, дружок, подпорку,
Чтоб по жизни ты быстрее шагал.